

МИРОВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

А.Н. Круглов

Фигурное, символическое и созерцающее познание Ч. I: От Ф. Виета и Г.В. Лейбница к И.Г. Ламберту*

Круглов Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл. 6; e-mail: akrouglov@mail.ru

Выделив два вида познания – символическое, или знаковое, и интуитивное, или незнаковое, Г.В. Лейбниц в статье «Размышления о познаниях, истине и идеях» заложил основу обсуждения проблемы наглядности познания в XVIII в. Отталкиваясь от идей Лейбница, Хр. Вольф в «Немецкой метафизике» создал уже развернутое учение о фигурном и созерцающем познании, отдавая приоритет в сфере применения и степени отчетливости первому виду. Учение Вольфа почти сразу же стало классическим и нашло немало сторонников. И.Г. Дарьес и Г.Ф. Майер перенесли метафизическое различие видов познания в логику. А.Г. Баумгартен в «Метафизике» предложил новый критерий различения символического и интуитивного познания. И.Н. Тетенс рассматривал противоположность символического и созерцающего познания с точки зрения противоположности апостериорности и априорности. И.Г. Ламберт в «Новом Органоне» вновь возвращает интерес именно к фигурному познанию.

Ключевые слова: символическое познание, созерцающее познание, фигурный синтез, species, воображение, образ, схема, Г.В. Лейбниц, Хр. Вольф, Х.А. Крузий, И. Кант

Что представляет из себя наглядность (или, используя более модный ныне термин, визуальность), в каком виде познания она возможна и желательна, в чем ее польза, преимущества или недостатки по сравнению с неким ненаглядным типом познания, с какими познавательными способностями она связана, чем обеспечивается, где пролегают ее границы – на эти и подобные вопросы в современных философских исследованиях существует немало разнообразных ответов. Но несмотря на широкое обсуждение этой темы, с одной стороны, и существующие разногласия по разным вопросам, с другой стороны, до сих пор в недостаточной мере еще осознана на первый взгляд малосущественная предпосылка всего нынешнего обсуждения проблемы наглядности познания, а именно, исходные терминологические конвенции,

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00227а, «Визуальное представление логического знания: о месте логики в когнитивных исследованиях».

воспринимающиеся как нечто само собой разумеющееся. Между тем более пристальный взгляд показывает, что в качестве «само собой разумеющегося» воспринимается серьезный терминологический переворот, произошедший в критической философии Иммануила Канта. Изучение деталей этого терминологического сдвига позволяет, в свою очередь, осознать, что речь идет не о простой замене одних слов другими, а о существенном изменении самого подхода к проблеме наглядности, в силу которого одни уже используемые в XVIII в. альтернативы ушли до сегодняшнего дня в тень, а другие, напротив, переместились в центр нашего внимания. Нижеследующие заметки призваны пролить свет на обстоятельства этих терминологических и содержательных изменений в представлениях о наглядности познания, произошедших в немецкой философии XVIII в., но оказывающих на нас определенное влияние и по сей день.

**«Критика чистого разума»
и «Антропология с прагматической точки зрения» И. Канта:
два проблемных примера**

Один небезызвестный пассаж в §24 трансцендентальной аналитики «Критики чистого разума» (1787), в котором Кант разъясняет некоторые особенности действия способности воображения, гласит: «Этот *синтез* многообразного, [имеющегося] в чувственном созерцании, возможный и необходимый *a priori*, может быть назван *фигурным* (*synthesis speciosa*) в отличие от того синтеза, который мыслился бы в одних лишь категориях в отношении многообразного в созерцаниях вообще и может быть назван рассудочной связью (*synthesis intellectualis*). И тот и другой синтез *трансцендентальны* не только потому, что они сами имеют место *a priori*, но и потому, что они составляют основу возможности других познаний *a priori*» [Кант, 2006а, с. 225; Kant, 1787, В 151]. Ни один имеющийся дореволюционный русский перевод кантовского трактата не содержит никакого комментария или разъяснения по поводу странного выражения “*synthesis speciosa*”, а также каких-либо пояснений о его связи с фигурностью и с воображением [Кант, 1867, с. 112; Кант, 1897, с. 121; Кант, 1915, с. 56; ср. Кант 1998, с. 161]. В советских и постсоветских изданиях, исправленных М.И. Иткиным и Ц.Г. Арзаканяном, в справочном аппарате дан такой перевод, фактически повторяющий текст Канта: «*Synthesis speciosa* – фигурный синтез» [Кант, 1964, с. 779; Кант, 1994б, с. 566]. Этот же вариант воспроизводят Н.В. Мотрошилова и Т.Б. Длугач [Кант, 2006б, с. 837]. В издании А.В. Гулыги и И.С. Андреевой предложен иной вариант перевода – не фигурный, а образный синтез, однако разъяснения и комментарии отсутствуют и здесь [Кант, 1994в, с. 139, 710]¹. Но откуда вообще в «Критике чистого разума» берется сам этот термин – “*speciosa*”? Какое значение он имеет? Почему он относится к синтезу и отождествляется с фигурностью, и как он связан с воображением?

Не меньшее число трудностей вызывает и §38 кантовской «Антропологии» (1798), посвященный способности обозначения: «Образы (*Gestalten*) вещей (созерцания), в той мере, в какой они служат лишь средствами представления через понятия, суть *символы*, и познание посредством них называется символическим или *образным* (*speciosa*). *Знаки* (*Charaktere*) еще не символы, ибо они могут быть и только опосредствованными (косвенными) знаками, которые сами по себе ничего не означают и лишь посредством присоединения ведут к созерцаниям, а через них к понятиям; поэтому *символическое* познание надлежит противопоставлять не *интуитивному*,

¹ В справочном аппарате сравнительного издания под редакцией В.А. Жучкова в этой связи дан такой объединенный вариант: «*Synthesis speciosa* – фигурный (образный) синтез» [Кант, 1998, с. 633].

а дискурсивному познанию, в котором знак (*Zeichen*) (*character*) сопровождает понятие только как страж (*custos*), чтобы при случае воспроизвести его. Следовательно, символическое познание противопоставляется познанию не интуитивному (посредством чувственного созерцания), а интеллектуальному (посредством понятий). Символы – только средства рассудка, действующие лишь косвенно по аналогии с определенными созерцаниями, к которым может быть применено понятие рассудка, чтобы посредством изображения придать понятию значение» [Кант, 1994а, с. 215, §38: Kant, 1917, S. 191, §38]². То, что здесь в издании под редакцией Гульги переведено, как и в «Критике чистого разума», в виде «образного», есть не что иное, как “*figürlich*”: значит, в этом кантовском произведении имеет место синонимия символического, фигурного и “*speciosa*”. Но что именно представляет собой фигурное у Канта, остается при этом загадкой. Наряду с этим у Канта тема характера, который особенно в его трансцендентальном идеализме играет ключевую роль – в частности, при «спасении свободы» на основе различения эмпирического и умопостигаемого характера, – в данном случае явно связана со знаковой составляющей. Наконец, Кант настойчиво отказывается от понятийной пары символическое/интуитивное в пользу пары символическое/интеллектуальное или дискурсивное, отстаивая, в свою очередь, противопоставление интуитивного и дискурсивного, причем первое связывается им с чувственными созерцаниями, а второе – с рассудочными понятиями. Но с чем и с кем здесь борется Кант? И откуда вообще берется вся эта терминологическая чехарда? На эти вопросы невозможно ответить, не обращаясь к кантовским предшественникам.

Истоки терминологии: Ф. Виет и Г.В. Лейбниц

Истоки термина “*speciosa*” следует искать в работе «Введение в аналитическое искусство» (1591) французского ученого Франсуа Виета, внесшего огромный вклад в создание символической алгебры. Виет противопоставлял два типа логики: *logistica numerosa* и *logistica speciosa*. Первая выражается при помощи чисел, в то время как вторая – «при помощи видов (*species*) или форм вещей, как это можно сделать при помощи букв алфавита» [Vieta, 1591, p. 5]³. Тем самым “*speciosa*” произошла, вероятно, от “*species*”: таким образом Виет, похоже, пожелал обозначить варьируемые им буквы А, В, С и т.д. Примечательно, что он не использовал термин «алгебра». Вероятно, Виета смущало, что в европейских языках «алгебра» не имела никакого буквального значения в силу заимствования из арабского языка, а поэтому он попытался использовать говорящие латинские варианты. И хотя его попытка замены «алгебры» в конце концов успеха не имела, в течение некоторого времени выражение “*speciosa*” использовалось в важных логических и философских трактатах [см.: Schupp, 2000, S. XLVII–XLVIII].

Идеи и терминология Виета получили дальнейшее развитие в работах Готфрида Вильгельма Лейбница. За прошедшее столетие ко времени Лейбница уже сложилось такое понимание, в соответствии с которым *analysis numerosa* была истолкована как арифметика, а *analysis speciosa* – как алгебра. У самого Лейбница встречается выражение “*ars speciosa*” в довольно широком смысле, в результате чего подобное искусство близко искусству комбинаторики (*ars combinatoria*). Он подчеркивает:

² В исходном дореволюционном переводе Н.М. Соколова образы (*Gestalten*) переводились как фигуры, знаки (*Charaktere*) – как буквы, а знак (*Zeichen*) – как значок [Кант, 1900, с. 65, §36]. В отличие от русских изданий «Критики чистого разума», некоторые комментарии к этим пассажам из «Антропологии» все же имеются – правда, на немецком языке [Brandt, 1999, S. 191].

³ Ср. также русский перевод («видовая логистика») [Виет, 2014, с. 322].

«...комбинаторное искусство (*Ars Combinatoria*), в особенности для меня, есть такая наука (а вообще она может быть названа характеристической [*characteristica*] или *специфкативной* [*speciosa*]), в которой речь идет о формах вещей или формулах универсума, т.е. о качестве вообще, или о сходном и несходном, так как те или другие формулы происходят из взаимных комбинаций данных *a*, *b*, *c* и т.д. (репрезентирующих или количества, или что-нибудь другое), и эта наука отличается от алгебры, которая исходит из формул, приложимых к количеству, или из равного и неравного. Поэтому алгебра подчиняется комбинаторике и постоянно пользуется ее правилами, которые, однако, являются более общими и имеют место не только в алгебре, но и в искусстве дешифрирования, в различных видах игр, в самой геометрии, трактуемой по древнему предписанию линейным образом, наконец, везде, где имеется отношение подобия» [Лейбниц, 1984а, с. 122; Leibniz, 1890а, S. 297–298].

Эта позиция Лейбница требует определенного толкования. В качестве характеров он воспринимает практически все виды знаков. *Characteristica universalis* как всеобщее искусство букв и знаков⁴ подразумевало создание некоего базового алфавита, в котором простейшие, далее нередуцируемые понятия были бы обозначены некими однозначными символами. Затем же по правилам искусства комбинаторики из этих символов можно было бы составить сложные символы. Помимо термина “*ars speciosa*” у Лейбница встречается также выражение “*speciosa generalis*” [Лейбниц, 1984б, с. 653]. В отличие от русских изданий Канта, русские издания Лейбница содержат некоторые толкования данных выражений. Согласно Г.Г. Майорову, «*Analysis speciosa* можно переводить и как “анализ образов (изображений)”, “анализ символов” или же (более отдаленно) “анализ знаков”; словосочетание “*Ars speciosa*”, часто встречающееся у Лейбница, можно переводить как “искусство символического изображения”, “искусство знакового изображения” или просто “знаковое искусство”» [Майоров, 1984, с. 702; ср. также с. 667], в то время как А.Л. Субботин передает “*logistica speciosa*” Виета на русском как «образную логику», подчеркивая при этом, что «термин “образ” имел тот же смысл, что и “символ” (ср. лат. *species* и греч. *σύμβολον*)» [Субботин, 1984, с. 698].

Следующий важный шаг, осуществленный Лейбницем и повлиявший на развитие этой проблематики уже в XVIII в. – это его понимание так называемого символического познания. И хотя этот термин встречается только в небольшой работе «Размышления о познаниях, истине и идеях» (1684), опубликованной в журнале “*Acta Eruditorum*”, именно она превратилась в программную и оказала существенное воздействие на Хр. Вольфа и его последователей [см.: Ungeheuer, 1983, S. 89]. Здесь Лейбниц отмечает: «Подобное познание я обычно называю *слепым* (*sæcam*) или же *символическим* (*symbolicam*) – познание, которым пользуются в алгебре и арифметике, да и, пожалуй, почти везде. И действительно, если понятие очень сложно, то мы одновременно не можем представить себе всех входящих в него понятий, а познание, в котором это возможно, я называю *интуитивным* (*intuitivam*). Первичное отчетливое понятие мы можем познать только интуитивно (*intuitiva*), в то время как сложные понятия – по большей части только символически (*symbolica*)» [Лейбниц, 1984в, с. 103; Leibniz, 1890b, S. 423]. Именно Лейбниц и заложил влиятельную для XVIII в. традицию противопоставления символического и интуитивного познания. Интуитивность в противоположность символическому означает у Лейбница некую одновременность актов воспринимания и осознания предмета, при которой предмет схватывается полностью именно как предмет. Адекватное интуитивное знание для человека вряд ли возможно, в то время как адекватное

⁴ «И подобно тому как Виет, желая добиться большей общности, подставил на место чисел буквы, так и я захотел ввести обратно в алгебру числовые знаки, так как они больше подходят к ней, чем буквы» [Лейбниц, 1983, с. 419].

символическое знание – вполне. В то же время интуитивное познание обладает определенным приоритетом перед символическим.

Уже этот краткий обзор некоторых размышлений Виета и Лейбница показывает разительное смысловое отличие их терминологии от кантовской или современной нам. Во-первых, в отличие от Канта, “speciosa” ни в коем случае не есть характеристика синтеза, а только и исключительно анализа. Во-вторых, его главной составляющей оказываются не образы, не геометрические фигуры, а в первую очередь буквы, хотя здесь возможны и иные варианты. В-третьих, интуитивное не противопоставляется дискурсивному – соответственно, его главной характеристикой оказывается далеко не непосредственность и прямота, в отличие от опосредованности. В-четвертых, символическое не подразумевает некоей эмблематики смысла, зашифрованной тайны и пр. – напротив, оно означает просто нечто знаковое. И хотя некие виды знака оказываются тесно связаны по смыслу с обозначаемым и произвольно указывают на него, все же эта тема осталась в стороне от основного русла рассуждений о символическом познании.

Фигурное и созерцающее познание у Хр. Вольфа

Вид сложившегося учения два типа познания, выделенные Лейбницем, приобрели в философии Христиана Вольфа⁵. Уже в первом издании так называемой «Немецкой метафизики» (1720) [Wolff, 1720, S. 152, §316] Вольф проводит различие между фигурным, или символическим, познанием, с одной стороны, и созерцающим, или интуитивным, познанием, с другой стороны, а со временем уточняет и дополняет его, представляя в последнем прижизненном издании (1751) следующим образом: «...слова являются основанием особого вида познания, которое мы называем *фигурным* (*figürliche*). Ибо мы представляем себе вещи или сами по себе, или посредством слов и других знаков. Например, если я мыслю о человеке, который отсутствует, но образ которого словно парит у меня перед глазами, то я представляю себе саму его персону. Но если же я мыслю о добродетели следующие слова: она есть навык приспособлять свои поступки по законам природы, то я представляю себе добродетель посредством слов. Первое называется *созерцающим* (*anschauende*) познанием, а второе – фигурным познанием» [Вольф, 2001, с. 266, §316]⁶. В дальнейших параграфах Вольф дает некоторые разъяснения, хотя в его специально написанном собственном комментарии к этому произведению (¹1724, ⁴1740) [Wolff, 1740] как раз эти страницы полностью обойдены вниманием. Но уже вводные замечания Вольфа показывают, что он в целом следует различению Лейбница между символическим и интуитивным познанием, однако предпочитает вместо этого на немецком языке использовать собственную пару фигурного и созерцающего. Тем самым немецкий термин Вольфа «фигурный», в этом значении введенный в философию, похоже, именно им, оказывается вариантом для латинских “speciosa” и “symbolica”, а немецкий «созерцающий» – для латинского “intuitiva”. И первое, что сразу же следует учитывать в отношении нового термина Вольфа «фигурный»: вопреки языковому чутью современного читателя фигурное связано не с фигурами и картинками, а в первую очередь со словами и иными типами знаков.

⁵ В последние годы эта тема получила определенное освещение в исследовательской литературе; см., например [Peursen van, 1992, p. 61–76; Krämer, 1992, S. 224–237; Meier-Oeser, 1997, S. 402–425; Schwaiger, 2011, S. 71–78; Favaretti-Camposampiero, 2015, p. 163–175; Favaretti-Camposampiero, 2018, S. 115–135; Kaitaro, 2022, p. 41–50].

⁶ Перевод исправлен по изданию: [Wolff, 1751, S. 173–174, §316].

Для разъяснения фигурного познания Вольф приводит определенную классификацию тех типов знаков, которые могут в нем использоваться помимо слов: цифры, линии, значки планет, буквенное обозначение модусов умозаключений в логике, музыкальные ноты, наконец, система нотации танцев Рауля Ожера Фёйе⁷. Назначение знаков, применяемых в фигурном познании, отличается: они могут служить для сокращения записи (химические формулы), для сокрытия знания от того или иного человека при помощи шифра (алхимические знаки), для отчетливого представления другому той или иной вещи (порядок танцевальных фигур на одном листе или знаковое выражение умозаключений) или же для открытия (цифры в алгебре). В особенности последний вид Вольф связывает с искусством знаков и обозначения – в данном случае он опирается на идеи Лейбница об *ars characteristica*.

Вольф пытается оценить преимущества и недостатки фигурного и созерцающего познания. В случае, если созерцающее познание не является полноценным, т.е. таковым, при котором все то, что некоторая вещь содержит в себе, отчетливо находится словно пред нашими глазами, фигурное познание предпочтительнее созерцающего. Но поскольку такое полноценное и всеохватное созерцающее познание вряд ли может иметь место часто, то, сталкиваясь с неотчетливыми и смутными ощущениями, мы пытаемся прояснить их при помощи слов и знаков, тем самым занимаясь фигурным познанием. В этом положении заметно развитие Вольфом идей Лейбница: если последний скорее констатировал слепость нашего символического познания, то Вольф рассматривает символы-знаки в качестве средства устранения имеющейся слепости в случае недоступности созерцающего познания. Расчленение на отдельные свойства предметов, обнаружение сходства между отдельными свойствами разных предметов способствует появлению общих понятий, а на их основе – и общего познания, которое благодаря словам достигает отчетливости и тем самым приносит немало пользы. Как и у Виета и Лейбница в отношении “*speciosa*”, у Вольфа фигурность совершенно четко подразумевает не синтез, а анализ, разложение.

У фигурного познания имеются, по Вольфу, и серьезные недостатки: оно может вырождаться таким образом, что образуются пустые слова, не связанные с каким-либо понятием, в результате чего слова выдаются за вещи⁸. В этой связи стоит вспомнить о предшественнике Вольфа Христиане Томазии, который еще в конце XVII в. инициировал в Халле немецкоязычные учебники по логике. Начиная с первого издания своей практической логики (1691) он предостерегает от использования не однозначных, а многозначных, и не прямых, а фигурных слов и выражений. Его предостудительный ряд выглядит, в частности, как «двусмысленные, фигурные, темные слова и выражения» [Thomasius, 1691, S. 90, §37; ср. также S. 89, §34]. И это значение фигурности во времена Томазия и Вольфа, похоже, и было наиболее употребительным и распространенным. Вольф же, взяв это привычное слово, применявшееся также в теологических текстах для характеристики иносказательности некоторых положений Священного Писания, придал ему иное, знаковое значение в противопоставлении созерцающему познанию, однако опасность вырождения в бессодержательность объединяла это новое значение термина с привычным.

Преимущества фигурного познания над созерцающим особенно сказываются, по мысли Вольфа, в процессе высказывания суждения, поскольку здесь в случае фигурного познания различие суждений и всего лишь понятий яснее, нежели это имеет место в случае созерцающего познания. Тем самым фигурное познание обеспечивает большую отчетливость [см.: Wolff, 1751, S. 177–178, §321]. По этой причине, как только мы образуем общее понятие о некотором виде вещей, замечаем

⁷ Вольф [Wolff, 1751, S. 175, §317] имеет в виду работу французского балетмейстера по хореографии 1700 г.; см. русский перевод: [Фёйе, 2010].

⁸ См. о преимуществах и недостатках фигурного познания [Wolff, 1751, S. 176–177, §319–320].

нечто с отчетливостью и желаем высказать суждение о вещи, мы переходим от созерцающего познания к познанию фигурному. Но когда фигурное познание опирается на слова обыденного языка, оно не достигает требования ясности и отчетливости, а лишь обозначает при помощи слов воспоминания того, что имело место в созерцающем познании.

Для обретения подлинной ясности и отчетливости фигурное познание нуждается в особом искусстве связи знаков, которое, по утверждению Вольфа, еще находится в своем зачаточном развитии, хотя Лейбниц уже и высказал при помощи рассуждений об *ars characteristica combinatoria* и *speciosa generalis* ряд ключевых идей [см.: Wolff, 1751, S. 179–181, §324]. Похоже, эти два латинских термина Лейбница Вольф отождествляет [Wolff, 1738, p. 210, §297]. В отношении общей задачи Лейбница Вольф высказывает определенный скепсис и не разделяет радужных перспектив: если в алгебре элементы универсальной характеристики уже осуществились, то возможность и реализуемость построения целостного универсального научного языка для Вольфа – задача и вопрос будущего, хотя принципиально он такой возможности все же и не отрицает.

Но какое бы преимущество Вольф ни отдавал фигурному познанию перед созерцающим, похоже, что базовым, исходным он считал все же именно созерцающее познание. Все, что связано с нашим воображением, равно как и всеобщие понятия, имеют, согласно Вольфу, свое происхождение в ощущениях: «Поскольку все ощущения принадлежат созерцающему познанию [...], всякое наше размышление берет свое начало от созерцающего познания» [Wolff, 1751, S. 525, §846].

Важная черта фигурности у Вольфа, идущая еще от “*speciosa*” Виета, состоит в том, что она включает в себя буквы и слова, причем последние выступают одним из наиболее важных ее элементов. Это не исключает картинок или образов, однако к ним фигурность точно не сводится. В «Математическом лексиконе» Вольф регулярно прибегает к выражению «представить фигурно», что подразумевает знаковую или формульную запись. Если доказательство представляется фигурно, то при каждом шаге и в любой момент можно остановиться, оценить ход доказательства, а затем спокойно и равным образом в любой момент его продолжить.

Одна из наиболее интересных особенностей соотношения созерцающего и фигурного у Вольфа состоит в программе «редукции символического познания к квази-интуитивному» (*Reductio cognitionis symbolicae ad quasi intuitivam*) [Wolff, 1738, p. 226, §312]. Эту необычную задачу Г. Унгехойер удачно объясняет следующим образом. Сложносоставные знаки, построенные в соответствии с принципами искусства комбинирования знаков (*ars characteristica combinatoria*), оказываются сконструированными таким образом, что простейшие знаки неразложимых далее понятий, обнаруженные в составной идее познанной вещи, «находятся друг по отношению к другу в таком же (воспринимаемом) модусе комбинирования, как и связаны между собой элементы идеи в комплексной идее. Таким образом (говоря современным языком) структура составной идеи становится наглядной в знаке, но это означает, что в такой мере в символическом познании выполнено условие интуитивного» [Ungeheuer, 1983, S. 96]. Иными словами, не будучи в состоянии созерцательно познать сложную, комплексную вещь, мы начинаем познавать ее фигурно, разлагая на отдельные части и аспекты и обозначая их знаками. Благодаря этому мы достигаем отчетливости в различении частей друг от друга, видим параллели с другими вещами в тех или иных аспектах, спокойно можем переходить от одной части к другой, прерывая и возобновляя это движение по своему произволу. Но при всех достоинствах фигурного познания целостного знания о вещи с его помощью мы так и не достигаем. Дойдя же в анализе до какого-то разумного предела, мы затем пытаемся всю эту знаковую структуру сложного предмета проиллюстрировать для себя так, чтобы воспринять ее как целое, словно бы она вся целиком стояла у нас перед

глазами. Правда, это все же не сам стоящий у нас перед глазами предмет, а его знаковая структура в целом, по причине чего Вольф, вероятно, и использует термин «квази-интуитивное».

Другую иллюстрацию того, как «фигурное познание превращается в созерцающее», Вольф приводит в «Немецкой этике», причем, в отличие от «Эмпирической психологии», здесь речь идет именно о превращении в само созерцающее, а не квази-созерцающее. При помощи примеров и даже сказок для нас может, например, проясниться конечный успех или неуспех добрых или злых поступков: «Именно таким образом фигурное познание добра и зла превращается в созерцающее и тем самым сохраняется то, что разум не должен подлежать чувствам, способности воображения и аффектам...» [Wolff, 1743, S. 247, §373]. Получается, что даже сказочная иллюстрация неких абстрактных моральных понятий в какой-то мере возвращает их в сферу созерцающего познания.

Развитие традиции Вольфа

Позиция Вольфа в «Немецкой метафизике» и других его сочинениях почти сразу же стала влиятельной и авторитетной. Оппонент Вольфа – Иоганн Георг Вальх – в «Философском лексиконе» (1726) признает авторство Вольфа в изобретении пары фигурное/созерцающее для замены пары символическое/интуитивное [Walch, 1726, Sp. 959/960]. В многотомном «Универсальном лексиконе» Иоганна Генриха Цедлера – главном энциклопедическом издании на немецком языке в XVIII в. – отсутствует специальная статья про созерцающее познание, зато имеется обширная статья про познание символическое/фигурное, в которой идет речь и о различии символического и созерцающего познания. По современным критериям эта статья явно оказывается случаем плагиата, поскольку автор обширными периодами без всяких ссылок попросту воспроизводит рассуждения Вольфа в его «Немецкой метафизике» [см.: Zedler, 1744, Sp. 684–687]. То обстоятельство, что в качестве справочно-энциклопедической в середине XVIII в. считается точка зрения именно Вольфа, весьма красноречиво. Число авторов, воспроизводивших позицию Вольфа с минимальными изменениями, было довольно велико, и нет особой необходимости составлять в этой связи обширные и всеохватные списки. Для примера я укажу ниже на ряд известных философов, а также подробнее остановлюсь на тех мыслителях, которые были особенно значимы для Канта.

Иоахим Георг Дарьес перенес метафизическое различие Вольфа в собственный учебник по логике «Обучающее искусство разума» (1737): познание предмета при помощи определенных знаков более отчетливо, чем познание без знаков, а поэтому фигурное познание является более отчетливым, нежели созерцающее [см.: Darjes, 1737, S. 95, §234–236].

Александр Готтлиб Баумгартен, по учебнику «Метафизика» (⁴1757) которого Кант несколько десятилетий читал свои лекции по метафизике, идет вслед за Вольфом, хотя и с небольшими видоизменениями. В нескольких параграфах раздела по эмпирической психологии он описывает знаковую способность (*facultas characteristica*). На первый взгляд, как и Вольф, он только лишь различает разные степени отчетливости в связи с работой указанной познавательной способности. Однако, в отличие от Вольфа, он четко указывает причину различия отчетливости – это чувственная (*sensitiva*) или рассудочная (*intellectualis*) сфера [Baumgarten, 1757, p. 225, §619]⁹. Еще дальше от Вольфа Баумгартен отходит в вопросе о критерии различения символического и интуитивного познания, фактически рассматривая оба этих

⁹ В современном критическом издании: [Baumgarten, 2011].

способа познания, а не только символический, с точки зрения знаковой природы. Согласно Баумгартену, если знак и означаемая им вещь рассматриваются в представлении в виде некоей связи, то бóльшим оказывается либо знак, либо означаемая им вещь. В первом случае познание символическое (*cognitio symbolica*), а во втором – интуитивное (*cognitio intuitiva, intuitus*) или, в баумгартеновском переводе на немецкий язык – созерцающее (*ein anschauendes Erkenntniss*) [Baumgarten, 1757, p. 226, §620]. На основе такого однотипного различия символического и интуитивного познания однотипно решается и вопрос о недостатках этих типов познания, ведущих ко лжи. Если для истинного познания требуется совпадение знака и означаемой им вещи, то ложь символического познания состоит в принятии за знак того, что им не является, а ложь интуитивного познания – в принятии за означаемую вещь такую, которая ею не является [Ibid., p. 226, §621]. Из других необычных моментов у Баумгартена стоит отметить употребление им выражения “*arithmetica speciosa*”, которое, правда, связывалось им все же не столько с цифрами, сколько именно с буквами: “*calculus litteralis, logistica, speciosa*” [Baumgarten, 1769, p. 55, §128], а также указание на эстетическую связь фигуры и схемы [Baumgarten, 1983, p. 16, §26].

Ученик и сподвижник Баумгартена Георг Фридрих Майер, по учебнику «Извлечение из учения разума» (1752) которого Кант всю свою жизнь читал лекции по логике, как и Дарьес, пытается интегрировать в разнообразную классификацию познания в том числе и вольфианское метафизическое разделение познания на символическое и созерцающее, хотя делает это уже на манер Баумгартена: «Если разумное и ученое познание должно затрагивать разумно, то оно должно [...] быть созерцающим познанием. *Познание является созерцающим* (*cognitio intuitiva*), если мы сильнее представляем себе [сам] предмет, нежели его знаки; если же мы сильнее представляем себе вторые, чем первый, то *познание является символическим* (*cognitio symbolica*). Всякое ученое познание является либо созерцающим, либо символическим» [Meier, 1752, S. 66, §236]. Помимо содержательных отличий от Вольфа, у Баумгартена и Майера имеется еще одно терминологическое: они не следуют его варианту перевода латинского “*symbolica*” на немецкий как “*figürlich*”, предпочитая немецкую кальку. Возможно, это явилось затем дополнительным аргументом для Канта в пользу того, что с вольфовским термином «фигурное» он уже волен поступать по своему усмотрению.

В одной из своих ранних работ 1760 г. к различению символического и созерцающего обращается и Иоганн Николаус Тетенс. Новацией Тетенса является рассмотрение этой противоположности сквозь призму различения двух других типов познания – априорного и апостериорного: «Совершенно невозможно, чтобы мы могли усмотреть возможность таких вещей (*Dinge*), о которых мы располагаем только *символическим*, но не *созерцающим* понятием, исходя из них [вещей] самих, или *a priori*. До тех пор пока мы обладаем только символическим понятием некоей вещи (*Sache*), мы вообще не мыслим саму вещь (*Ding*), или ее позитивные внутренние свойства, а представляем себе некоторые отношения вещи (*Dinges*) к другим отношениям, или некоторые возможности нечто совершать и испытывать, присоединяем их друг к другу так, что мы получаем понятие вещи (*Dinges*), посредством которого мы, пожалуй, отличаем другие от этих определений, но не можем познать их истинные внутренние свойства» [Tetens, 1760, S. 56–57, §32]. Символическое познание априорным способом Тетенс не допускает, в то время как для созерцающего познания такая возможность, похоже, сохраняется. Примечательно и то, что Тетенс, как ранее и Баумгартен с Майером, не употребляет термин «фигурный».

Наиболее подробно рассмотрел как проблему символического познания, так и проблему знака в «Новом Органоне» (1764) Иоганн Генрих Ламберт. Третья часть этого двухтомного трактата целиком посвящена «Семиотике или учению об обозначении мыслей и вещей». Ее первый раздел «О символическом познании вообще»

излагает ламбертовский взгляд на проблему этого связанного со знаками типа познания. В отличие от Баумгартена, Майера и Тетенса Ламберт вновь возвращается к термину «фигурный»: «Символическое познание называют также *фигурным*, а именно преимущественно потому, что знаки, посредством которых оно представлено, *видимы* или являются *фигурами*, например языковыми элементами, числами, нотами и т.д. Кстати, слово “*фигурный*” многозначно, и вообще используется в *метафорах* или *иносказательных выражениях*, но особенно также, поскольку мы представляем себе абстрактные понятия и вещи интеллектуального мира из-за схожести впечатления при помощи чувственных образов...» [Lambert, 1764, S. 15, §22]. Особенностью позиции Ламберта является то, что спорадически встречающимся у Лейбница или Вольфа мыслям о таких типах знаков, которые сами по себе указывают на обозначаемые ими вещи, – Вольф говорил в этой связи о так называемой иероглифичности знаков (ныне же в этой связи чаще говорят об иконичности), – он придает большую ценность, заявляя: «...теория должна заменить то, что оставляет произвольность знаков, в противоположность чему более совершенны знаки, если обозначаемое сопровождается их значением, или если описание знаков, взятое слово за словом, фигурно указывает на описание вещи» [Ibid., S. 37, §58]. Наконец, термин “*speciosa*”, употребляемый Ламбертом, в соответствии с предшествовавшей ему традицией относится им к аналитике: «*Всеобщая аналитика* (*Analytica logica speciosa, Logistica speciosa universalis*) есть искусство выводить из всеобщих и неопределенных понятий другие» [Lambert, 1782, S. 80].

Но наряду с теми, кто в целом придерживался учения Вольфа о фигурном и созерцающем познании, имелись и те, кто выступил с его критикой. К числу критиков относились в том числе и такие мыслители, как Хр.А. Крузий и Кант, о чем пойдет речь во второй части статьи.

Список литературы

- Виет, 2014 – Виет Ф. Введение в аналитическое искусство / Пер. Е.А. Зайцева // Историко-математические исследования. Вып. 15 (50). М.: Янус-К, 2014. С. 315–341.
- Вольф, 2001 – Вольф Хр. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще, сообщенные любителям истины Христианом Вольфом (³1725) / Пер. В.А. Жучкова // Христиан Вольф и философия в России / Под ред. В.А. Жучкова. СПб.: РХГИ, 2001. С. 227–358.
- Кант, 1867 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. М.И. Владиславлева. СПб.: Тип. Тиблена, 1867. 627 с.
- Кант, 1897 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.М. Соколова. СПб.: Издание книжного магазина М.В. Попова, ¹1897. 665 с.
- Кант, 1900 – Кант И. Антропология / Пер. Н.М. Соколова. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1900. 194 с.
- Кант, 1915 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, ²1915. 464 с.
- Кант, 1964 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканьяна, М.И. Иткина // Кант И. Сочинения: в 6 т. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 794 с.
- Кант, 1994а – Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / Пер. Н.М. Соколова, сверка М.И. Левиной // Кант И. Сочинения: в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137–376.
- Кант, 1994б – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканьяна, М.И. Иткина. М.: Мысль, 1994. 588 с.
- Кант, 1994в – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканьяна, М.И. Иткина, И.С. Андреевой // Кант И. Сочинения в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 735 с.

Кант, 1998 – *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского, с вариантами переводов на русский и европейские языки / Под ред. В.А. Жучкова. М.: Наука, 1998. 654 с.

Кант, 2006а – *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина, Н.В. Мотрошиловой // *Кант И.* Сочинения на русском и немецком языках / Отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2006. 1081 с.

Кант, 2006б – *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина, Н.В. Мотрошиловой // *Кант И.* Сочинения на русском и немецком языках / Отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 2006. 935 с.

Лейбниц, 1983 – *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы пред-установленной гармонии / Пер. П.С. Юшкевича // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 2 / Под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.

Лейбниц, 1984а – *Лейбниц Г.В.* Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения / Пер. Г.Г. Майорова // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 / Под ред. Г.Г. Майорова, А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1984. С. 115–122.

Лейбниц, 1984б – *Лейбниц Г.В.* Опыт абстрактных доказательств / Пер. Г.Г. Майорова // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 / Под ред. Г.Г. Майорова, А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1984. С. 641–658.

Лейбниц, 1984в – *Лейбниц Г.В.* Размышления о познаниях, истине и идеях / Пер. Э.Л. Радлова // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 / Под ред. Г.Г. Майорова, А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1984. С. 101–107.

Лейбниц, 1984г – *Лейбниц Г.В.* Элементы разума / Пер. Н.А. Федорова // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 / Под ред. Г.Г. Майорова, А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1984. С. 446–460.

Майоров, 1984 – *Майоров Г.Г.* Примечания // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 / Под ред. Г.Г. Майорова, А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1984. С. 659–714.

Субботин, 1984 – *Субботин А.Л.* Примечания // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 / Под ред. Г.Г. Майорова, А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1984. С. 659–714.

Фёйе, 2010 – *Фёйе Р.-О.* Хореография или искусство записи танца / Пер., коммент., вступ. ст. Н.В. Кайдановской. М.: Доленко, 2010. 139 с.

Baumgarten, 1757 – *Baumgarten A.G.* Metaphysica. Halle: Hemmerde, 1757. 432 p.

Baumgarten, 1769 – *Baumgarten A.G.* Sciagraphia Encyclopaediae Philosophicae / Ed. et praefatus J.Chr. Förster. Halle: Hemmerde, 1769. 112 p.

Baumgarten, 2011 – *Baumgarten A.G.* Metaphysica = Metaphysik. Historisch-kritische Ausgabe / Übers., eingeleitet und hrsg. von G. Gawlick, L. Kreimendahl. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann – holtboog, 2011. 634 S.

Baumgarten, 2013 – *Baumgarten A.G.* Theoretische Ästhetik: die grundlegenden Abschnitte aus der „Aesthetica“ (1750/58) / Übers. und hrsg. von H.R. Schweizer. Hamburg: Meiner, 2013. 251 S.

Brandt, 1999 – *Brandt R.* Kritischer Kommentar zu Kants Anthropologie in pragmatischer Hinsicht (1798). Hamburg: Meiner, 1999. 543 S.

Darjes, 1737 – *Darjes J.G.* Die Lehrende Vernunft-Kunst Welche Eine vernünftige Anweisung Zur Verbesserung der Kräfte des Verstandes in Beurtheilung und Erfindung der Wahrheiten in sich enthält und Aus der Natur der Seele in Mathematischer Lehr-Art Zur Grundlegung zu einer höheren Wissenschaft und zum Nutzen seiner Zuhörer aufgesetzt worden. Jena: Buch, 1737. 398 S.

Favaretti-Camposampiero, 2015 – *Favaretti-Camposampiero M.* What Is Symbolic Cognition? The Debate After Leibniz and Kant // *Linguaggio, filosofia, fisiologia nell'età moderna. Atti del convegno: Roma 23-25 gennaio 2014 / A cura di C. Marras, A.S. Schino.* Iliasi: CNR, 2015. P. 163–175.

Favaretti-Camposampiero, 2018 – *Favaretti-Camposampiero M.* Philosophy of Language // *Theis R., Aichele A. (Hg.) Handbuch Christian Wolff.* Wiesbaden; Springer, 2018. S. 115–135.

Kaitaro, 2022 – *Kaitaro T.* Leibniz, Wolff, and Symbolic Cognition in the German Tradition // *Kaitaro T. Language, Culture and Cognition from Descartes to Lewes.* Leiden: Brill, 2022. P. 41–50.

Kant, 1787 – *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Riga: Hartknoch, 1787. 884 S.

Kant, 1917 – *Kant I.* Anthropologie in pragmatischer Hinsicht // *Kant's Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften.* Bd. VII. Berlin: Georg Reimer, 1917. S. 117–334.

Krämer, 1992 – *Krämer S.* Symbolische Erkenntnis bei Leibniz // *Zeitschrift für philosophische Forschung.* Bd. 46 (1992). S. 224–237.

Lambert, 1764 – *Lambert J.H.* Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein. Bd. 2. Leipzig: Wendler, 1764. 435 S.

Lambert, 1782 – *Lambert J.H.* Sechs Versuche einer Zeichenkunst in der Vernunftlehre // *Lambert J.H.* Logische und philosophische Abhandlungen / Zum Druck befördert von J. Bernoulli. Bd. 1. Berlin: Bernoulli, 1782. S. 3–180.

Leibniz, 1890a – *Leibniz G.W.* De Synthesi et Analysisi universali seu Arte inveniendi et judicandi // *Leibniz G.W.* Die philosophischen Schriften / Hrsg. von C.I. Gerhardt. Bd. VII. Berlin: Weidmann, 1890. S. 292–298.

Leibniz, 1890b – *Leibniz G.W.* Meditationes de Cognitione, Veritate et Ideis // *Leibniz G.W.* Die philosophischen Schriften / Hrsg. von C.I. Gerhardt. Bd. IV. Berlin: Weidmann, 1890. S. 422–426.

Meier, 1752 – *Meier G.F.* Auszug aus der Vernunftlehre. Halle: Gebauer, 1752. 155 S.

Meier-Oeser, 1997 – *Meier-Oeser S.* Die Spur des Zeichens. Das Zeichen und seine Funktion in der Philosophie des Mittelalters und der frühen Neuzeit. Berlin: De Gruyter, 1997. 483 S.

Peursen van, 1992 – *Peursen van C.-A.* Cognition symbolica in the Philosophy of Christian Wolff // *Nuovi studi sul pensiero di Christian Wolff / A cura di S. Carboncini, L. Cataldi Madonna.* Hildesheim: Olms, 1992. P. 61–76.

Schupp, 2000 – *Schupp F.* Einleitung // *Leibniz G.W.* Die Grundlagen des logischen Kalküls / Hrsg., übersetzt und mit einem Kommentar versehen von F. Schupp unter der Mitarbeit von S. Weber. Hamburg: Meiner, 2000. S. VII–LXXXI.

Schwaiger, 2011 – *Schwaiger C.* Symbolische und intuitive Erkenntnis bei Leibniz, Wolff und Baumgarten // *Schwaiger C.* Baumgarten – ein intellektuelles Porträt. Studien zur Metaphysik und Ethik von Kants Leitautor. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann – holzboog, 2011. S. 71–78.

Tetens, 1760 – *Tetens J.N.* Gedancken über einige Ursachen, warum in der Metaphysik nur wenige ausgemachte Wahrheiten sind: als eine Einladungs-Schrift zu seinen den 13ten October auf der neuen Bützowschen Academie anzufangenden Vorlesungen. Bützow: Berger und Boedner, 1760. 68 S.

Thomasius, 1691 – *Thomasius Chr.* Ausübung der Vernunft-Lehre oder: kurtze, deutliche und wohlgegründete Handgriffe, wie man seinem Kopffe aufräumen und sich zu Erforschung der Wahrheit geschickt machen: die erkannte Wahrheit andern beybringen; andere verstehen und auslegen; von anderer ihren Meinungen urtheilen, und die Irrthümer geschicklich widerlegen solle; worinnen allenthalben viel allgemeine heutzutage im Schwang gehende Irrthümer angezeigt und deutlich beantwortet werden; nebst einer Vorrede, in welcher der Autor die Ursachen anzeigt; warum er auch auff des Rea-lis de Vienna seine Discursus und Dubia über die Introductionem ad Philolophiam Aulicam nicht beantworten werde. Halle: Salfeld, [1691]. 295 S.

Ungeheuer, 1983 – *Ungeheuer G.* Sprache und symbolische Erkenntnis bei Wolff // *Schneiders W.* (Hg.) Christian Wolff. 1679–1754. Interpretationen zu seiner Philosophie und deren Wirkung. Hamburg: Meiner, 1983. S. 89–112.

Vieta, 1591 – *Vieta F.* Isagoge in artem analyticam. Turonis: Mettayer, 1591.

Walch, 1726 – *Figürliche Erkenntniß // Walch J.G.* Philosophisches Lexicon, darinnen die in allen Theilen der Philosophie, als Logic, Metaphysic, Physic, Pneumatic, Ethic, natürlichen Theologie und Rechtsgelehrsamkeit, wie auch Politic fürkommenden Materien und Kunst-Wörter erklärt, und aus der Historie erläutert; die Streitigkeiten der älteren und neueren Philosophen erzehlet, die dahin gehörigen Bücher und Schriften angeführet, und alles nach alphabetischer Ordnung vorgestellt worden mit nöthigen Registern versehen. Leipzig: Gleditsch, 1726. Sp. 959–960.

Wolff, 1720 – *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt. Halle: Renger, ¹1720. 576 S.

Wolff, 1738 – *Wolff Chr.* Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata, qua ea, quae de anima humana indubia experimentiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur. Frankfurt: Renger, ⁵1738. 920 S.

Wolff, 1740 – *Wolff Chr.* Der Vernünfftigen Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, Anderer Theil, bestehend in ausführlichen Anmerckungen. Frankfurt am Main: Andreä und Hort, ⁴1740. 675 S.

Wolff, 1743 – *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von der Menschen Thun und Lassen, zu Beförderung ihrer Glückseligkeit. Halle: Renger, ⁷1743. 709 S.

Wolff, 1751 – *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt. Halle: Renger, ¹¹1751. 672 S.

Zedler, 1744 – *Symbolische Erkenntniß, Figürliche Erkenntniß, Cognition Symbolica // Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste / Verlegt von J.H. Zedler.* Bd. 41. Leipzig: Zedler, 1744. Sp. 684–687.

Figurative, Symbolic and Contemplative Cognition Part I: From F. Viet and G.W. Leibniz to J.H. Lambert

Alexei N. Krouglov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya square, Moscow, 125047, Russian Federation;
e-mail: akrouglov@mail.ru

By providing symbolic (operates by means of signs) and intuitive (operates without signs) types of cognition, G.W. Leibniz in the “Reasoning about cognition, truth and ideas” laid the foundation for the problem of visibility discussions in 18th century. Proceeding from Leibniz’s ideas, Chr. Wolff in the “German metaphysics” built a detailed doctrine about figurative and contemplating cognition, giving priority in the field of application and the degree of clarity to the first type. Wolff’s doctrine almost immediately became classic and found a lot of supporters. J.G. Darjes and G.F. Meier moved the metaphysical distinction of cognition distinctions to logic. A.G. Baumgarten in the “Metaphysics” offered a new criterion of symbolic and intuitive cognition distinction. J.N. Tetens scrutinized the opposition of symbolic and contemplating cognition from the point of a priori and a posteriori opposition. J.H. Lambert in the “New Organon” brings the interest back to the figurative cognition.

Keywords: symbolic cognition, intuitive cognition, figurative synthesis, speciosa, imagination, image, scheme, G.W. Leibniz, Chr. Wolff, Chr. A. Crusius, I. Kant

References

- Baumgarten A.G. *Metaphysica = Metaphysik. Historisch-kritische Ausgabe*, übers., eingeleitet und hrsg. von G. Gawlick, L. Kreimendahl. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann – holtzboog, 2011. 634 S.
- Baumgarten A.G. *Metaphysica*. Halle: Hemmerde, ⁴1757. 432 p.
- Baumgarten A.G. *Sciagraphia Encyclopaediae Philosophicae*, ed. et praefatus J.Chr. Förster. Halle: Hemmerde, 1769. 112 p.
- Baumgarten A.G. *Theoretische Ästhetik: die grundlegenden Abschnitte aus der “Aesthetica” (1750/58)*, übers. und hrsg. von H.R. Schweizer. Hamburg: Meiner, 2013. 251 S.
- Brandt R. *Kritischer Kommentar zu Kants Anthropologie in pragmatischer Hinsicht (1798)*. Hamburg: Meiner, 1999. 543 S.
- Darjes J.G. *Die Lehrende Vernunft-Kunst Welche Eine vernünftige Anweisung Zur Verbesserung der Kräfte des Verstandes in Beurtheilung und Erfindung der Wahrheiten in sich enthält und Aus der Natur der Seele in Mathematischer Lehr-Art Zur Grundlegung zu einer höheren Wissenschaft und zum Nutzen seiner Zuhörer aufgesetzt worden*. Jena: Buch, 1737. 398 S.
- Favaretti-Camosampiero M. Philosophy of Language. In: Theis R., Aichele A. (Hg.) *Handbuch Christian Wolff*. Wiesbaden; Springer, 2018, S. 115–135.
- Favaretti-Camosampiero M. What Is Symbolic Cognition? The Debate After Leibniz and Kant. In: *Linguaggio, filosofia, fisiologia nell’età moderna*. Atti del convegno: Roma 23–25 gennaio 2014, a cura di C. Marras, A.S. Schino. Iliesi: CNR, 2015, pp. 163–175.
- Fyoje R.-O. *Horeografiya ili iskusstvo zapisi tantsa* [Choreography or the Art of Writing a Dance]. Moscow: Dolenko Publ., 2010. 139 p. (In Russian)
- Kaitaro T. Leibniz, Wolff, and Symbolic Cognition in the German Tradition. In: Kaitaro T. *Language, Culture and Cognition from Descartes to Lewes*. Leiden: Brill, 2022, pp. 41–50.
- Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. In: *Kant’s Gesammelte Schriften*, hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, Bd. VII. Berlin: Georg Reimer, 1917, S. 117–334.
- Kant I. *Antropologiya* [Anthropology], transl. by N.M. Sokolov. St.-Petersburg: Tipografiya P.P. Sobjkina, 1900. 194 p. (In Russian)
- Kant I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a Pragmatic Point of View]. In: Kant I. *Sochineniya* [Works], ed. by A.V. Gulyga, in 8 vols., vol. 7. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 137–376. (In Russian)
- Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga: Hartknoch, ²1787. 884 S.
- Kant I. *Kritika chistago razuma* [Critique of Pure Reason], transl. by M.I. Vladislavlev. St.-Petersburg: Tip. Tiblena, 1867. 627 p. (In Russian)

- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], transl. by N.M. Sokolov. St.-Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina M.V. Popova Publ., 1897. 665 p. (In Russian)
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], transl. by N.O. Losskij. Petrograd: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1915. 464 p. (In Russian)
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], ed. by V.A. Zhuchkov. Moscow: Nauka Publ., 1998. 654 p. (In Russian)
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochineniya* [Works]. In 6 vols., vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1964. 794 p. (In Russian)
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochineniya* [Works], ed. by A.V. Gulyga, in 8 vols., vol. 3. Moscow: Choro Publ., 1994. 735 p. (In Russian)
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochineniya na russkom i nemeckom yazykah* [Works in Russian and German], ed. by N.V. Motroshilova, B. Tushling, in 5 vols., vol. 2.1. Moscow: Nauka Publ., 2006. 1081 p. (In Russian)
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochineniya na russkom i nemeckom yazykah* [Works in Russian and German], ed. by N.V. Motroshilova, B. Tushling, in 5 vols., vol. 2.2. Moscow: Nauka Publ., 2006. 935 p. (In Russian)
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 588 p. (In Russian)
- Krämer S. Symbolische Erkenntnis bei Leibniz, *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 1992, Bd. 46, S. 224–237.
- Lambert J.H. *Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein*, Bd. 2. Leipzig: Wendler, 1764. 435 S.
- Lambert J.H. Sechs Versuche einer Zeichenkunst in der Vernunftlehre. In: Lambert J.H. *Logische und philosophische Abhandlungen*, zum Druck befördert von J. Bernoulli. Bd. 1. Berlin: Bernoulli, 1782, S. 3–180.
- Leibniz G.W. De Synthesi et Analysisi universali seu Arte inveniendi et judicandi. In: Leibniz G.W. *Die philosophischen Schriften*, hrsg. von C.I. Gerhardt, Bd. VII. Berlin: Weidmann, 1890. S. 292–298.
- Leibniz G.W. Meditationes de Cognitione, Veritate et Ideis. In: Leibniz G.W. *Die philosophischen Schriften*, hrsg. von C.I. Gerhardt, Bd. IV. Berlin: Weidmann, 1890, S. 422–426.
- Leibniz G.W. Elementy razuma [Elements of Mind]. In: Leibniz G.W. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 446–460. (In Russian)
- Leibniz G.W. Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoj garmonii [New Essays on the Human Mind by the Author of the System of Preestablished Harmony]. In: Leibniz G.W. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1983, pp. 47–545. (In Russian)
- Leibniz G.W. Ob universal'nom sinteze i analize, ili ob iskusstve otkrytiya i suzhdeniya [On Universal Synthesis and Analysis, or the Art of Discovery and Judgment]. In: Leibniz G.W. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 115–122. (In Russian)
- Leibniz G.W. Opyt abstraktnyh dokazatel'stv [The Experience of Abstract Demonstrations]. In: Leibniz G.W. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 641–658. (In Russian)
- Leibniz G.W. Razmyshleniya o poznaniyah, istine i ideyah [Reflections on Knowledge, Truth, and Ideas]. In: Leibniz G.W. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 101–107. (In Russian)
- Majorov G.G. Primechaniya [Notes]. In: Leibniz G.W. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 659–714. (In Russian)
- Meier G.F. *Auszug aus der Vernunftlehre*. Halle: Gebauer, 1752. 155 S.
- Meier-Oeser S. *Die Spur des Zeichens. Das Zeichen und seine Funktion in der Philosophie des Mittelalters und der frühen Neuzeit*. Berlin: De Gruyter, 1997. 483 S.
- Peursen van C.-A. Cognition symbolica in the Philosophy of Christian Wolff. In: *Nuovi studi sul pensiero di Christian Wolff*, a cura di S. Carboncini, L. Cataldi Madonna. Hildesheim: Olms, 1992, pp. 61–76.
- Schupp F. Einleitung. In: Leibniz G.W. *Die Grundlagen des logischen Kalküls*, hrsg., übersetzt und mit einem Kommentar versehen von F. Schupp unter der Mitarbeit von S. Weber. Hamburg: Meiner, 2000, S. VII–LXXXI.
- Schwaiger C. Symbolische und intuitive Erkenntnis bei Leibniz, Wolff und Baumgarten. In: Schwaiger C. *Baumgarten – ein intellektuelles Porträt. Studien zur Metaphysik und Ethik von Kants Leitautor*. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann – holtzboog, 2011, SS. 71–78.

Subbotin A.L. Primechaniya [Notes]. In: Leibniz G.W. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 659–714. (In Russian)

Tetens J.N. *Gedancken über einige Ursachen, warum in der Metaphysik nur wenige ausgemachte Wahrheiten sind: als eine Einladungs-Schrift zu seinen den 13ten October auf der neuen Bützowschen Academie anzufangenden Vorlesungen*. Bützow: Berger und Boedner, 1760. 68 S.

Thomasius Chr. *Ausübung der Vernunft-Lehre oder: kurtze, deutliche und wohlgegründete Handgriffe, wie man seinem Kopffe aufräumen und sich zu Erforschung der Wahrheit geschickt machen: die erkandte Wahrheit andern beybringen; andere verstehen und auslegen; von anderer ihren Meinungen urtheilen, und die Irrthümer geschicklich widerlegen solle; worinnen allenthalben viel allgemeine heut zu Tage im Schwang gehende Irrthümer angezeigt und deutlich beantwortet werden; nebst einer Vorrede, in welcher der Autor die Ursachen anzeigt; warum er auch auff des Realis de Vienna seine Discursus und Dubia über die Introductionem ad Philolophiam Aulicam nicht beantworten werde*. Halle: Salfeld, [1691]. 295 S.

Ungeheuer G. Sprache und symbolische Erkenntnis bei Wolff. In: Schneiders W. (Hg.) *Christian Wolff. 1679–1754. Interpretationen zu seiner Philosophie und deren Wirkung*. Hamburg: Meiner, 1983, S. 89–112.

Viet F. Vvedenie v analiticheskoe iskusstvo [Introduction to Analytical Art], *Istoriko-matematicheskoe issledovaniya*, 2014, vol. 15 (50), pp. 315–341. (In Russian)

Vieta F. *Isagoge in artem analyticam*. Turonis: Mettayer, 1591.

Vol'f H. Razumnye mysli o Boge, mire i dushe cheloveka, a takzhe o vsekh veshchah voobshche, soobshchennye lyubitelyam istiny Hristianom Vol'fom [Reasonable Thoughts on God, the World, and the Human Soul, as Well as on All Things in General, Communicated to Lovers of Truth by Christian Wolff]. In: *Hristian Vol'f i filosofiya v Rossii* [Christian Wolff and Philosophy in Russia], ed. by V.A. Zhuchkov. St.-Petersburg: RHGI, 2001, pp. 227–358. (In Russian)

Walch J.G. Figürliche Erkenntniß. In: Walch J.G. *Philosophisches Lexicon, darinnen die in allen Theilen der Philosophie, als Logic, Metaphysic, Physic, Pneumatic, Ethic, natürlichen Theologie und Rechtsgelehrsamkeit, wie auch Politic fürkommenden Materien und Kunst-Wörter erkläret, und aus der Historie erläutert; die Streitigkeiten der älteren und neueren Philosophen erzehlet, die dahin gehörigen Bücher und Schriften angeführet, und alles nach alphabetischer Ordnung vorgestellt worden mit nöthigen Registern versehen*. Leipzig: Gleditsch, 1726. Sp. 959–960.

Wolff Chr. *Der Vernünfftigen Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, Anderer Theil, bestehend in ausführlichen Anmerkungen*. Frankfurt am Main: Andreä und Hort, 1740. 675 S.

Wolff Chr. *Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata, qua ea, quae de anima humana indubia experimentiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur*. Frankfurt: Renger, 1738. 920 S.

Wolff Chr. *Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt*. Halle: Renger, 1720. 576 S.

Wolff Chr. *Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt*. Halle: Renger, 1751. 672 S.

Wolff Chr. *Vernünfftige Gedancken von der Menschen Thun und Lassen, zu Beförderung ihrer Glückseligkeit*. Halle: Renger, 1743. 709 S.

[Zedler J.H.] Symbolische Erkenntniß, Figürliche Erkenntniß, Cognitio Symbolica. In: *Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste*, verlegt von J.H. Zedler, Bd. 41. Leipzig: Zedler, 1744. Sp. 684–687.